

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-445

О51

Перевод с английского Марии Галиной

Binti. Nnedi Okorafor

First publishing: A Tom Doherty Associates Book,

New York, 2015

Окорафор Н.

О51 Бинти / Ннеди Окорафор [Пер. с англ. М. Галиной]. –

М.: Карьера Пресс, 2019. – 128 с.

ISBN 978-5-00074-259-4

Бинти тайно покидает родной дом и родную планету, чтобы стать студенткой лучшего университета в Галактике. Но в мире идет давняя и кошмарная война с медузами, инопланетной расой. Бинти становится свидетелем страшной битвы; по необъяснимым причинам она единственная выжила на корабле, и вождь медуз вступает с ней в переговоры.

Ннеди Окорафор получила за эту книгу премию «Хьюго» и премию «Небьюла».

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Copyright © 2015 by Nnedi Okorafor

© ООО «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке, 2019

All Rights reserved

*Посвящается маленькой синей медузе, которую я увидела,
когда плавала в лагуне Кхалид тем солнечным днем
в Шардже, Объединенные Арабские Эмираты*

Я включила транспортер и беззвучно помолилась, поскольку понятия не имела, что буду делать, если он не сработает. Мой транспортер был из дешевых, и даже капелька воды или, что более вероятно, песчинка могла его закоротить. Полагаться на него было нельзя, и, как правило, мне приходилось запускать его вновь и вновь, чтобы он, наконец, заработал. *Только не сейчас, прошу, только не сейчас*, мысленно обратилась я к нему.

Транспортер, лежащий на песке, вздрогнул. Я затаила дыхание. Тонкий, плоский и черный, точно молитвенный камень, он мягко загудел, а потом медленно всплыл над песком. Ну что ж, по крайней мере багаж он везти сможет. Я усмехнулась. Теперь я сумею добраться до челнока. Указательным пальцем я сняла *отжиз* со лба и опустила на колени. Затем палец

уперся в песок, вминая туда сладко пахнущую красную глину.

— Благодарю, — прошептала я. Мне предстояло пройти пешком всего полмили, но по темной пустынной дороге, притом разбитой. Но если транспортер не подведет, я успею.

Я выпрямилась и замерла, крепко зажмурившись. Вся моя прежняя жизнь давила мне на плечи тяжким грузом. Ведь сейчас я впервые бросила вызов самым прочным своим корням; я уходила в ночной мрак, никому ничего не сказав. Ни своим девятерым братьям и сестрам — семью старшим и двум младшим. Ни родителям, которые и вообразить себе не могут, что я решусь на такое. А к тому времени, когда они поймут, на что я отважилась и куда отправилась, я уже покину планету.

Разгневанные, они станут твердить друг другу, что, вернись я, они и на порог меня не пустят. Мои четыре тетушки и двое дядюшек, что живут чуть поодаль, будут шумно возмущаться и тихо перешептываться, что я, мол, опозорила всю родню. Похоже, мне предстоит стать парией.

— Вперед, — тихонько прошептала я транспортеру и сделала шаг. Тонкие металлические браслеты на щиколотках жалобно звякнули, но я сделала еще шаг. Кажется, транспортер справлялся со своей работой лучше, если его не трогать. — Вперед, — повторила я. Пот выступил у меня на лбу. И, поскольку транспортер все еще висел над песком, я осмелилась поставить на плоскую поверхность силового поля оба чемодана. Только когда они плавно стронулись с места, у меня вырвался вздох облегчения. Хоть в этом удача была на моей стороне.

Пятнадцать минут спустя я купила билет и взошла на борт челнока. Солнце только-только начало подниматься над горизонтом. Проходя мимо сидящих в креслах пассажиров, я слишком хорошо осознавала, что кончики моих косичек задевают их лица, и оттого боялась поднять глаза. У нас у всех густые волосы, а мои так очень густые. Моя старая тетушка порой называла их «ододо», потому что они росли буйно

и густо, как эта трава. Как раз перед побегом я втерла в косички свежий и пахучий *отжиз*, который приготовила специально для этого путешествия. Как-то меня воспринимают эти люди, не слишком-то знакомые с моим народом?

Женщина, мимо которой я прошла, отшатнулась, лицо ее исказила гримаска, словно она унюхала что-то неприятное.

— Прощу прощения, — прошептала я, уставившись на свои ноги и стараясь не обращать внимания на устремленные на меня глаза. И все же я не удержалась и бросила быстрый взгляд по сторонам. Две девчушки, немногим старше меня, прикрыли рты руками, такими белыми, словно их никогда не касалось солнце. Каждый здесь выглядел так, словно полагал солнце злейшим своим врагом. Я была одна-единственная химба во всем челноке. Я быстренько отыскала свое кресло и уселась в него.

Изящный челнок последней модели походил на пулю, вроде тех, что мои учителя использовали для расчета баллистических коэффициентов на подготовительных курсах. Такие челно-

ки спуют над землей при помощи воздушных потоков, магнитных полей и экспоненциальной энергии; легкие в изготовлении – было бы время да нужные инструменты. Подходящий транспорт для наших раскаленных пустошей, ведь за дорогами тут никто не следит. Люди моего народа — отъявленные домоседы.

Мое кресло было сзади, так что я могла любоваться видами в огромном окне.

Я видела свет в окнах лавочки астролябий моего отца и детектор песчаных бурь, который построил мой брат на крыше Корня, как мы прозвали большой-пребольшой дом моих родителей. Шесть поколений моей семьи жили здесь. Это был самый старей дом в деревне, а возможно — и в городе. Сложенный из камня и кирпича, прохладный ночью, жаркий днем, весь в заплатках солнечных батарей, увитый люминесцентными растениями, чье свечение иссякало как раз перед самым рассветом. Моя спальня была наверху.

Челнок стронулся с места, а я все смотрела и смотрела, покуда не потеряла свой дом из виду.

— Что я делаю? — прошептала я.

Полтора часа спустя челнок приземлился в космопорту. Я выходила последней, что хорошо, поскольку зрелище космопорта ошарашило меня настолько, что я застыла, не в силах стронуться с места. На мне была длинная красная юбка, из тех, что шуршат шелком и переливаются, точно вода, легкая оранжевая накидка, прочная и добротная, тонкие кожаные сандалии и ножные браслеты. Никто из тех, кого я видела тут, не носил ничего подобного. Женщины сплошь были в длинных легких бурнусах и глухих покрывалах; никто тут не открывал щиколоток, а о ножных браслетах и говорить нечего. Я прерывисто вздохнула и ощутила, как кровь бросилась мне в лицо.

— Дура, дура, дура, — прошептала я. Мы, химба, не путешествуем. Мы — оседлый народ. Наша древняя земля и есть наша жизнь; стоит только покинуть ее, и ты — никто. Мы даже натираем ею тело. *Отжиз* — красная глина. Земля. Здесь, в порту, почти сплошь были кушиты, и еще несколько нехимба. Здесь я приходилась

всем чужой — не просто чужестранкой, совсем чужой.

— О чем я только думала? — прошептала я.

Мне было шестнадцать, и я никогда не покидала пределов города, не говоря уже о космопорте. Я была одна-одинешенька и только что сбежала из дома. До этого мои шансы замужества составляли сто процентов; сейчас они свелись к нулю. Никто не захочет взять за себя женщину, которая способна убежать. Однако, несмотря на то что все мои перспективы жить жизнью моих соплеменников рухнули, я набрала на всепланетном экзамене по математике такие высокие баллы, что университет Оозма не только зачислил меня, но предложил оплатить все дорожные расходы. Ладно, какой бы выбор я ни сделала, у меня все равно не было бы нормальной жизни.

Я огляделась и сразу сообразила, что делать дальше. И направилась к информационному стенду.

Офицер транспортной безопасности просканировал мою астрорябию — полным и действительно *глубоким* сканированием. Я закрыла глаза и старалась дышать как можно спокойней, чтобы побороть вызванную шоком дурноту. Уже только чтобы покинуть планету, мне пришлось допустить посторонних ко *всей* моей жизни — не только моей, всей нашей семьи; а заодно и к своему будущему.

Я стояла, не в силах пошевелиться, а в ушах звенел голос матери: «Наши люди неспроста никогда не поступали в этот университет. Оозма Уни хочет тебя для себя, Бинти. Ты отправишься в их школу и сделаешься ее рабой». Как ни печально, но в ее словах была своя правда. Я даже не добралась туда, а уже отдала им всю свою жизнь. Я хотела спросить офицера, каждого ли он так досматривает, но испугалась, что он разозлится. Мало ли что ему придет в голову — здесь, на чужбине, я была совершенно беззащитна. Лучше не дразнить гусей.

Когда офицер протянул мне мою астролябию, меня охватило искушение швырнуть ее назад. Он был старым кушитом, таким старым, что уже имел право носить черный как ночь тюрбан и лицевое покрывало. Его скрюченные артритом пальцы дрожали так, что он едва не уронил астролябию. Он гнулся, точно умирающее пальмовое дерево, и, когда он сказал: «Вы никогда не путешествовали, поэтому я должен произвести полное сканирование. Оставайтесь на месте», — голос его был суше, чем красная пустыня, окружающая мой город. Но он читал мою астролябию так же быстро, как мой отец, что меня сразу и поразило, и напугало. Он отворил ее, быстро прошептав цифровые последовательности, и руки его, что внезапно стали твердыми и точными, заскользили по дискам так стремительно, словно она была его собственной.

Покончив с этим, он уставился на меня своими бледно-зелеными глазами, которые, казалось, пронизали меня глубже, чем его приборы — мою астролябию. За моей спиной стояли другие пассажиры, я слышала, как они перешеп-

тываются и посмеиваются, как хнычет ребенок. В терминале было прохладно, но присутствие чужих людей жгло меня так, что у меня заломило виски, а ступни зачесались.

— Поздравляю, — сказал он своим сухим шелестящим голосом, протягивая мне астроябию.

Я растерянно нахмурилась:

— С чем?

— Твой народ может гордиться тобой, дитя, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. Затем он широко улыбнулся и потрепал меня по плечу. Он только что увидел всю мою жизнь. Он знал о том, что меня приняли в Оозма Уни.

— Ох! — Горло у меня перехватило, на глазах выступили слезы. — Спасибо, сэра, — сказала я, принимая астроябию из его рук.

Я торопливо протискивалась сквозь толпу в терминале, слишком хорошо ощущая присутствие людей. И хотя я подумывала о том, чтобы отыскать туалетную комнату, где я смогла бы обновить *отжиз* и попытаться стянуть волосы на затылке, я продолжала двигаться. Почти все пассажиры в этом терминале носили черные и

белые одежды кушитов; женщины в белых туниках, перетянутых разноцветными поясами, и в белых покрывалах, мужчины — в черном, точно могущественные духи. Я во множестве видела их по телевизору, да и в городе они попадались там и сям, но тут они захлестывали меня, точно волна. Вот я и попала на край света.

Стоя в очереди на паспортный контроль перед посадкой, я почувствовала, как кто-то сзади тянет меня за волосы. Я обернулась и встретила взгляды нескольких кушиток. Они разглядывали меня: *все* они за моей спиной разглядывали меня.

Та женщина, что дернула меня за косичку, теперь смотрела на свои пальцы, и, нахмурившись, терла большим пальцем об указательный. Подушечки пальцев были измазаны ярко-оранжевым — моим *отжизом*. Она поднесла их к носу и принялась.

— Пахнет жасмином, — удивленно сказала она соседке слева.

— Не навозом? — спросила другая. — Я слышала, от них несет навозом, потому что это и есть навоз.

— Нет, определенно жасмином. Хотя липнет, как навоз.

— А у нее вообще настоящие волосы? — поинтересовалась еще одна у той, что потирала пальцы.

— Не знаю.

— Эти любители грязевых ванн на все способны, — пробормотала первая.

Я вновь отвернулась и сгорбилась. Мама учила меня не спорить с кушитами. Отец говорил, что, когда он разговаривал с кушитскими торговцами, что приезжали к нам в город покупать астролыбии, он старался по возможности умалиться. «Или это, или я развяжу войну, которую придется вести до конца», — говаривал он. Мой отец не верил в войны. Он говорил, война зло, но, когда она начнется, он ринется в нее, как песок в песчаную бурю. И затем он возносил короткую молитву Семерым, чтобы они отвели от нас войну, и еще одну молитву, чтобы предыдущая была услышана.

Я перекинула косички на грудь и дотронулась до *эдана* в кармане. Я постаралась сосре-

доточиться на нем, на его странных символах, странном металле, странной поверхности. Я нашла *эдан* восемь лет назад, как-то в послепопуденный зной исследуя пески за городом. *Эданом* мы называем любое устройство, чье назначение затерялось в глубине веков, устройство столь древнее, что сейчас оно воспринималось лишь как предмет искусства.

Мой *эдан* был поинтереснее любой книги, любой сработанной мною в лавке отца астроблябии, за право купить которую эти женщины, возможно, передрались бы насмерть. И он был моим, в моем кармане, и эти высокомерные женщины, что толпятся за мной в очереди, никогда об этом не узнают. Они обсуждают меня, их мужчины, возможно, тоже. Но никто из них не знает, чем я обладаю, куда я направляюсь, кто я такая. Пускай себе судят да рядят, к счастью, больше никто из них не дергает меня за волосы. Я тоже не люблю войн.

Офицер досмотра, когда я шагнула вперед, нахмурился. За его спиной я видела три выхода, один, тот, что посредине, вел к кораблю под

названием «Третья Рыба», тому, что должен доставить меня в Оозма Уни. Его отворенная дверь была большой и круглой и вела в просторный коридор, освещенный мягким синим светом.

— Пройдите вперед, — сказал охранник. Он носил униформу низшего звена, как и весь наземный персонал космопорта, — длинный белый бурнус и серые перчатки. До сих пор я видела эту форму лишь в телесериалах и книгах и, несмотря на все, едва удержалась от смеха. Уж очень нелепо он выглядел. Я шагнула вперед, и меня затопило теплом и алым светом.

Когда я прошла сканирование, офицер безопасности потянулся к моему левому карману и вытащил *эдан*. Нахмурившись, он поднес его к глазам.

Я ждала. Что ему известно?

Он осматривал звездчатый куб, нажимал на то и на сё, разглядывал странные символы, испещряющие поверхности, на безуспешную расшифровку которых я убила два года. Он поворачивал его так и сяк, водя пальцем по черным, синим, белым петлям и завихрениям, так похо-

жим на кружева, которыми девушки накрывают головы, празднуя наступление одиннадцатилетия.

— Из чего это сделано? — спросил он, поднося эдан к сканеру. — Металл не определяется.

Я пожала плечами, слишком хорошо сознавая, что люди, что стоят позади меня в очереди, смотрят на меня. Для них, скорее всего, я не отличалась от тех, кто обитал в пещерах пустыни за городом, так почерневших на солнце, что они походили на ходячие тени. Что скрывать, увы, и во мне текла кровь Пустынников — со стороны отца; вот откуда у меня такие буйные волосы и темная кожа.

— В вашем удостоверении личности указано, что вы — мастер гармоний, одна из тех, что создает самые совершенные астробии, — сказал он. — Но этот предмет — не астробия. Вы его сами сделали? И как вы могли его сделать, если не знаете его состава?

— Не я его сделала, — сказала я.

— Тогда кто?

— Это... просто очень древняя вещь, — сказа-

ла я, — никаких расчетов с ее помощью делать нельзя. Это просто старая счетная машинка, я ношу ее с собой на удачу.

Это частично было ложью. Но даже я не знала наверняка, что *эдан* может, а чего не может.

Таможенник посмотрел на меня так, словно хотел еще о чем-то спросить, однако смолчал. Низшие чины брали на службу после начальной школы, но работа научила их смотреть на всех сверху вниз. Особенно на таких, как я. И так повсюду, к какому народу бы они ни принадлежали. Он и понятия не имел, что такое «счетная машинка», но ни за что не выказал бы, что я, нищая девчонка-химба, образованна лучше, чем он сам. Не перед этими людьми. Так что он скоренько велел мне пройти, и вот я уже стою перед входом в корабль.

Коридор был таким длинным, что конец его терялся вдаль, так что я стала разглядывать вход. Корабль был великолепным образцом биотехнологий. «Третья Рыба» относилась к «Мири-12», организмам, по своей анатомии напоминавшим креветок. Это были спокойные,

незловивые создания с наружным экзоскелетом, способные выжить в жестких условиях космоса. Генные инженеры вырастили в их телах три дыхательные камеры, а биотехнологи внедрили туда быстрорастущие растения, которые не только снабжали эти огромные помещения кислородом, производя его из углекислого газа, который поступал к ним из других сегментов корабля, но и поглощали бензиновые пары, формальдегид и трихлорэтилен. Одно из самых интересных инженерных решений, о которых я только читала. Когда я размещусь на корабле, я обязательно уговорю кого-нибудь из экипажа показать мне эти удивительные комнаты. Но в этот миг все эти тонкости меня не занимали — я стояла на пороге, позади был мой дом, впереди — будущее.

Я шагнула в коридор.

Так это все и началось. Я отыскала свою каюту. Я отыскала свою группу — еще двенадцать новичков, все люди, все кушиты, всем от пятна-

дцати до восемнадцати лет. Часом позже я и все остальные отыскали судового техника и упростили его показать нам дыхательные камеры. Я оказалась не единственным новичком Оозма Уни, который мечтал увидеть в действии все эти потрясающие технологии. Воздух был насыщен запахами джунглей и неведомых лесов, о которых я только читала. Все — от пола до потолка — заросло длиннолиственными растениями. Они буйно цвели, и я готова была стоять там часами, вдыхая их мягкий аромат.

Спустя несколько часов мы встретились со старшим группы. Им оказался суровый старый кушит, который оглядел нашу дюжину и, остановившись взглядом на мне, спросил:

— Почему ты вымазана этой глиной? И почему у тебя на щиколотках столько стальных браслетов? Разве тебе не тяжело?

Когда я объяснила ему, что я химба, он холодно сказал:

— Знаю, но ты не ответила на мой вопрос.

Я объяснила ему, что такова наша традиция ухода за кожей, а стальные браслеты на лодыж-

ках предохраняют нас от укусов змей. Он долго рассматривал меня, и все остальные тоже уставились на меня, точно на какую-нибудь удивительную бабочку.

— Ты можешь накладывать свой *отжиз*, — сказал он наконец, — но не переборщи, а то измажешь корабль. А если эти браслеты и впрямь предохраняют от укусов змеи, то здесь в этом нет нужды.

Я сняла браслеты, оставив по паре на каждой лодыжке — достаточно, чтобы звенеть при ходьбе.

На корабле я оказалась единственной химба среди пяти сотен пассажиров. Мой народ обожает всякие новшества, но нас мало, мы предпочитаем не выделяться и, как я уже говорила, редко покидаем Землю. Мы предпочитаем исследовать внутренний космос, а не внешний. Еще ни один химба не поступал в Оозма Уни. Так что в моей исключительности не было ничего удивительного. Однако от этого мне было не легче.

Корабль был битком набит общительными людьми, которым страсть как нравилось вычислять, исследовать, открывать новое, изобретать,

читать, учиться. Эти люди не принадлежали к химба, но они и были моим народом; я все еще оставалась химба, но нас объединяло нечто большее. У меня быстро появились друзья. А спустя две недели полета и *близкие* друзья.

Оло, Реми, Квуга, Нур, Анаяма, Роден. В моей группе были только Оло и Реми. С остальными я познакомилась в столовой или в аудитории, где профессора, что были на борту корабля, читали лекции. Эти девушки из многоэтажных домов никогда не пересекали пустыню, никогда не наступали на змею, что прячется в сухой траве. Солнце не жгло их лишь потому, что они прятались от него за шторой. И все же эти девушки понимали, что я имею в виду, говоря о «ветвистости».

Мы сидели в моей каюте (потому что, поскольку я почти не взяла с собой вещей, она была самой свободной) и подначивали друг друга смотреть на звезды и описывать их как можно более сложными уравнениями, а потом делить эти уравнения пополам и опять пополам и так до бесконечности. Когда у вас получается

математический фрактал достаточной длины, вы можете ускакать с ветки на ветку так далеко, что рискуете заблудиться в математических дебрях. Мы не покорили бы Вселенную, не будь на это способны, но дело это нелегкое. Но мы были лучшие, и состязались друг с другом, пытаясь подобраться ближе к тому, что обычные люди называют «Бог».

И там был Геру. Я ни разу с ним не заговорила, но мы улыбались друг другу с разных концов стола за обедом. Прежде он жил в одном из городов, таких далеких, что я вполне могла счесть их порождением своей фантазии; там шел снег, мужчины скакали верхом на огромных серых птицах, а женщины умели говорить с этими птицами, не раскрывая рта.

А однажды Геру с какими-то своими друзьями стоял за мной в очереди на раздаче еды. Я почувствовала, как кто-то дернул меня за одну из косичек, и резко повернулась, уже готовая рассердиться. Я встретила его взгляд, и он быстро отпустил мои волосы и поднял руки, словно защищаясь.

— Я просто не мог удержаться, — сказал он. Кончики его пальцев окрасились *отжизом*.

— Не в состоянии держать себя в руках? — огрызнулась я.

— У тебя ровно двадцать одна косичка, — сказал он, — и в каждой по три переплетенных прядки. Это какой-то код?

Я хотела ответить, что это и вправду код и что особым образом заплетенные косички могут рассказать все про мое происхождение и родню, культуру и историю. Что этот код разработал мой отец, а мать и тетушки показали мне, как вплетать его в волосы. Однако при взгляде на Геру сердце мое вдруг забилось так быстро, что все слова куда-то подевались, так что я просто пожала плечами и отвернулась, чтобы принять свою тарелку с супом. Гера был высоким, и я никогда не видела таких белых зубов, как у него. И он был очень хорош в математике, мало кто усматривал код в том, как я заплетаю свои волосы.

Но мне так и не выдалась возможность рассказать ему, что в мои косы вплетена история моего народа. Потому что случилось то, что

случилось. И произошло это на восемнадцатый день путешествия. Еще пять дней, и мы должны были прибыть на планету Оозма Уни, самое знаменитое, самое продвинутое учебное заведение во всем Млечном Пути. Я была счастливей, чем когда-либо в жизни, и дальше, чем когда-либо в жизни, от дома и семьи.

Я сидела за столиком, уплетая десерт, молочное желе с кокосовой стружкой, и исподтишка поглядывала на Геру, который смотрел в сторону. Тогда я отложила вилку и взяла в руки *эдан*. Я рассеянно играла им, наблюдая, как Геру разговаривает с парнем, что сидел рядом со мной. Нежный прохладный десерт таял у меня во рту. Поблизости Оло и Реми пели песню своего города, поскольку они скучали по дому, — песню, которую полагалось петь, повышая и понижая голос, словно ты водяной дух.

Потом кто-то вскрикнул, и грудь Геру взорвалась, обрызгав меня теплой кровью. За его спиной стояла медуза.